

Приказ налагает ряд взысканий на директора училища Корешкова и замдиректора по УПР Демину, которые «всячески старались отказать отказать в приеме воспитанникам детских домов, имевших образование 5–6 классов... вместо установленных планом 150 человек приняли 85 человек, хотя в училище прибывало свыше 220 человек» [Государственный архив Свердловской области (ГАСО), Ф. Р-2033, оп. 1, д. 59, л. 147].

Таким образом, достаточно скромные отраслевые социальные стандарты системы Государственных трудовых резервов обладали необходимым уровнем привлекательности для обеспечения привлекательности учебных заведений этой системы для воспитанников детских домов.

Список литературы

1. *Мамяченков, В. Н.* Условия жизни воспитанников детских домов и выпускников ремесленных училищ Свердловской области в первые послевоенные годы / В. Н. Мамяченков. Текст: непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). История. Вып. 29. С. 71–76.

2. *Мамяченко, В. Н.* Без вины виноватые (условия жизни детей-детдомовцев Свердловской области в 1948–1949 гг.) / В. Н. Мамяченков. Текст: непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 104–108.

УДК 340.134

К. А. Игишев, А. Г. Кислов

K. A. Igishev, A. G. Kislov

ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», Екатеринбург

Russian state vocational pedagogical university, Ekaterinburg

igishevka@mail.ru, akislov2005@yandex.ru

О РОЛИ КОНВЕНЦИАЛЬНОСТИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВ РЕБЕНКА

ON THE ROLE OF CONVENTIONALITY IN DETERMINING THE RIGHTS OF THE CHILD

Аннотация. Рассматривается договорная природа основ правового регулирования общественных отношений с участием детей.

Abstract. The article considers the contractual nature of the foundations of legal regulation of public relations involving children.

Ключевые слова: мультикультурализм, компромисс, обычаи, права детей.
Keywords: multiculturalism, compromise, the traditions, the rights of children.

В научном разговоре, посвященному Конвенции о правах ребенка, невозможно упустить из виду не только ее объект (ребенок) и предмет (его права), но и формат, точнее, жанр, определяемый методологией осмысления и выражения предмета. Конвенциальность этого знаменательного международного правового акта отражает и особенности его объекта и предмета, и уровень развития правовой науки современного мира, и важные особенности совокупного общественного сознания, суммарно-мозаичной культуры всего человечества второй половины XX века. Причем последний и первый пункт этой логической цепочки неизбежно закольцовываются: то, каков образ ребенка, каким образом мыслится детство, т. е. объект Конвенции, является продуктом мультикультурного взаимодействия народов мира, в разной степени испытывающих влияние транснациональной науки. Впрочем, степень транснациональности науки – тоже неоднородна: больше она в математике, естествознании, меньше в гуманитарных науках, а социальные науки, в том числе юриспруденция, занимают промежуточное положение. Так, различные правовые традиции определяют разницу теоретико-методологических основ науки о праве, точнее, наук о праве. Все это сказалось и в отношении к самому вопросу прав ребенка со стороны представителей различных правовых традиций. И то, что появилась международная Конвенция о правах ребенка, – факт во многом удивительный и обнадеживающий: несмотря на серьезные различия, народы, страны, государства все же способны договариваться. А всякие договоренности предполагают компромиссы.

Что говорит Конвенция о ребенке, как определяет его? – «Для целей настоящей Конвенции ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее» (ст. 1). Столь формальная характеристика – возраст, – казалось бы, единственная принятая во внимание в дефиниции, говорит об отсутствии возможности дать более развернутую, содержательную – не потому, что ее нет в науке, но потому, что перед нами не научный трактат, а договоренность, условность, иным словом – конвенция, что зафиксировано и в наименовании документа. Пока это максимум насчет ребенка и детства, с чем согласилось международное сообщество в лице его многоликих представителей. Иначе говоря, понимание детства, образ ребенка продолжает оставаться в современном мультикультурном мире настолько неоднозначным, что более внятного «общего знаменателя» пока найти просто не удалось.

Правда, в дефиниции есть не только формальный признак, но и немаловажная оговорка (вот он – компромисс!): «если...». Национальное законодательство может признать человеческое существо взрослым и до достижения им 18-летнего возраста. В этом вопросе международное сообщество уступает конечное решение именно национальному законодательству.

Что же касается привязки границы между ребенком и взрослым только к возрасту, то столь содержательно бедный объект Конвенции, тем не менее, приходится конкретизировать до ее предмета – до некоторой определенной совокупности его неотъемлемых прав. И на этом этапе близкий к нейтральному при определении объекта мультикультурализм делает заметную уступку постархаичности, свидетельствуя о сознательной уступке со стороны архаичных (традиционных) обществ. Само признание (каких-либо) прав ребенка – это уже разрыв с архаичностью, по крайней мере, с ее самыми древними манифестациями, впрочем, присутствующими в современном быту повсеместно, даже в тех странах и в тех обществах, которые идентифицируют себя с постархаичностью, посттрадиционностью (а таких совсем немного и в наши дни) [2]. Архаичные общества не склонны наделять правами всякого человека. Права в них – привилегия избранных. А дети до прохождения ими обрядов инициации и вовсе не воспринимаются за полноценных людей. Это не обязательно открывает путь к приемлемости насилия над детьми или разного рода ограничений, им предписанных. Не обязательно, но очень часто открывает [1]. Потому само согласие представителей многочисленных современных сообществ, остающихся большей частью архаичными, принять не просто постановку вопроса о правах ребенка, но и закрепить их в международной Договоренности – это грандиозное с культурологической точки зрения событие.

Современная европейская юридическая наука остается крайне деликатной к основополагающему социальному институту архаики – семье (опять – компромисс!). Не только в Российской Федерации, ее Семейном кодексе сознательно заложена пробельность как свойство нормативного правового акта. Пробельность – не всегда его недостаток. В данном случае это выражение уважения обществом и, в первую очередь, государством устоев, традиций, хранимых и исповедуемых семьей, точнее, тем многообразием моделей семьи, которые выработаны и сохраняются представителями многочисленных культур. В большей степени государство вмешивается и регламентирует имущественные отношения членов семьи, прежде всего, супругов, и очень мало в сравнении с этими вопросами затрагивает отношения взрослых к детям. Однако гораздо подробнее и определеннее, чем в международной Конвенции, что свойственно всякому национальному за-

конодательству – даже в мультикультурной стране степень множественности культур уступает общечеловеческой. Потому допускается и повзросление до наступления 18-летнего возраста.

Выражением деликатного, уважительного отношения к семье со стороны государства является и институт Уполномоченного по правам ребенка (в Российской Федерации учрежден Указом Президента от 1 сентября 2009 г. № 986; в Свердловской области – Областным законом от 15 июля 2010 года № 57-ОЗ). Во многом этот институт – правовой медиатор между национальным законодательством и интересами семей и, конечно же, детей, в том числе выражаемых в соответствии с их пониманием должного, желаемого, допустимого. В деятельности Уполномоченного по правам ребенка в равной степени необходим учет норм закона и морали, традиций, обычаев. Отсутствие властных полномочий у Уполномоченного по правам ребенка обеспечивает его медиационное (компромиссное) восприятие как представителями закона, так и семьями и детьми. Следовательно, успех его деятельности в значительной степени определяется личными качествами человека, исполняющего эту должность, его общественным авторитетом и поддержкой со стороны органов государственной власти.

Нормы национального семейного законодательства полны оговорок, расширений, оставляющих приоритетными традиции, обычаи и – договоренности (супругов между собой, а также родителей и детей). Т. е. даже на уровне национального права сфера семейных отношений, а также отношений «взрослый – ребенок», «ребенок – ребенок» в малой степени наполнена императивными нормами.

Конвенциональность, условность и во многих случаях нормативная неопределенность – по крайней мере, в обозримое время, единственно возможный путь признания, защиты и обеспечения прав ребенка. Сами термины «детство», «ребенок» и стоящие за ними понятия остаются заведомо нечеткими, культурно, а часто и ситуативно обусловленными, требующими правового реагирования *ad hoc*. Но это не значит, что конвенциональная концептуальная рамка избыточна, имеет лишь косметический характер. Она не только ориентирует национальных законодателя и правоприменителя. Она позволяет им, всем участникам правовых, общественных и межличностных отношений вести себя как представителям международного сообщества, зафиксировавшим общеобязательные для всех – людей, семей, государств – правила. По поводу их соблюдения можно и должно заявлять свою позицию независимо от национальной, культурной, языковой принадлежности. Конвенция о правах ребенка – фактор единения человечества при сохранении его широчайшего многообразия, пример возможности договоренности по многим другим, ждущим этого, вопросам.

Список литературы

1. Демоз, Л. Психоистория / Л. Демоз. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 512 с. Текст: непосредственный.
2. Кислов, А. Г. Оправдание детства: от нравов к праву / А. Г. Кислов. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2002. 165 с. Текст: непосредственный.

УДК 316.631.78

М. Б. Курбонова

M. B. Kurbonova

Каршинский инженерно-экономический институт, Узбекистан

Karshinskiy Engineering and Economic Institute, Uzbekistan

amirov.qarshi@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ОБЩЕСТВЕ

FORMATION OF THE SOCIAL SITUATION OF YOUTH IN SOCIETY

Аннотация. В статье автор обсуждает роль и место молодежи в социальной структуре общества сегодня, подробно разъясняет важность роли социологических исследований в решении проблем молодежи.

Absrtact. In the article, the author discusses the role and place of youth in the social structure of society today, explains in detail the importance of the role of sociological research in solving youth problems.

Ключевые слова: Темперамент, социальный слой, рациональный, иррациональный, национально-культурное наследие, прагматизм, национальное самосознание, национальные традиции, национальная гармония.

Keywords: temperament, social layer, rational, irrational, national-cultural heritage, pragmatism, national self-consciousness, national traditions, national harmony.

Молодежь как социальная группа и слой – неотъемлемая часть общества, уникальный субъект. Их понимание национальной идентичности – сложное явление, которое важно для поиска своего социального места в обществе, для демонстрации своего потенциала. Прежде всего, феномен «национальной идентичности» молодежи – это процесс, продолжающийся всю жизнь. Чувство национальной идентичности оценивает не только их собственный потенциал, но также их интересы и стремления. Психологические аспекты принадлежности молодежи к определенной нации проявляются через использование национального характера, национального самосознания. Национальный характер: выражается через влияние ума, эмоций, темперамента.